

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

Т.В. Сафонова

МАЗАЛОВА Н.Е. «СОСТАВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»: ЧЕЛОВЕК В ТРАДИЦИОННЫХ СОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ» (СПБ.: ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, 2001.)

В 2001 г. при поддержке центра «Петербургское востоковедение» вышла книга Н.Е. Мазаловой «Состав человеческий»: Человек в традиционных соматических представлениях русских». Автор собрал огромное количество этнографического материала, связанного с «народной концепцией человеческого тела», и попытался на основе систематизации этих данных получить некое сводное для всех русских представление о теле и о его месте в картине мира. Свою книгу автор адресовал этнографам, фольклористам и историкам культуры.

Во введении были озвучены некоторые теоретические предпосылки, благодаря которым исследование смогло состояться, а также собственно сами задачи и цели исследования. После некоторой традиционной ссылки на предшественников, которые занимались подобными темами, автор постулирует, что «русские воспринимают тело как нечто целостное, а его части и органы (составляющие) — как элементы целого. В народном восприятии человеческого тела прослеживаются элементы системы. Это — системность, восходящая к мифологической картине мира и всему, что из нее вытекает» (стр. 6). Это заявление фигурирует далее как некая базовая аксиома, не требующая ни доказательств, ни даже каких-либо ссылок. Автор попытался использовать системный подход. Это особенно четко прослеживается в задачах исследования. Автор указывает на 3 основных задачи: рассмотреть строение и функционирование организма; изучить динамику этой системы, т.е. жизненный цикл организма (рождение, жизнь, смерть). Третья задача автора — «рассмотреть там, где это возможно, соотношение народных знаний с научно-медицинскими» (стр. 7). Современная медицина представляется автору безупречным эталоном, с которым можно сравнивать традиционное знание в этой области и измерить степень невежества русских. Это особенно хорошо иллюстрируется примером того, что «в народных представлениях о теле недостаточно выявляются, а зачастую и вовсе не обнаруживаются взаимосвязи между отдельными элементами» (стр. 6). Другим авторитетом в этом отношении является тибетская медицина, на которую автор часто ссылается. Подобный ход мысли, видимо, связан с

неким априорным представлением о том, что современная медицина стала конечной формой эволюционировавшего народного знания о человеческом теле. Это нигде явно не озвучено, но иначе объяснить логику автора трудно.

Цель исследования достаточно ясно заявлена: выработка комплексного подхода к изучению традиционных представлений русских о человеке и его теле. Забегая вперед скажу, что по ходу исследования никакой комплексности, в ее классическом понимании, т.е. привлечения методов и понятий разных дисциплин, не наблюдается, за исключением апологетики современной медицины — как науки, которая наиболее успешна в сфере знания о человеческом теле. Методы исследования требуют особого упоминания. Похоже, что автор, столь ревностно относящийся к системности как свойству мышления русских, вовсе к ней не прибегает при подборе материала. Привлечено огромное количество архивных материалов и данных полевых исследований, но системности здесь не наблюдается. Зачастую автор дает примеры, вообще не упоминая об их источниках. Видимо, задавшись целью раскрыть представления всех русских, обращать внимание на какие-либо локальные различия нет никакой надобности — наоборот, это может испортить целостную картину, которая так свойственна русским.

Итак, любой исследователь при выборе источников и материалов, с которыми он впоследствии собирается работать и на основании которых делает выводы о предмете своего исследования, так или иначе конструирует объект исследования. Применение определенного, закрепленного «методологической» традицией ансамбля методов позволяет сконструировать объект по известным правилам, а значит, вписать его в ряд аналогичных объектов, и создать перспективу дальнейших исследований в заданном направлении. Попытка какой-либо «деконструкции» объекта данного исследования по источникам, использованным Н.Е. Мазаловой, абсолютно сбивает с толку и не позволяет однозначно трактовать выбор автора. Объектом исследования изначально были заявлены «русские» (стр. 6), при этом никакой конкретизации этого этнонима не следует. «Материалом для исследования послужили этнографические материалы из Тенишевского архива РЭМ, Архива Карельского филиала РАН (АФНЦ), Рязанского архива, а также полевые материалы автора по Архангельской, Вологодской, Ленинградской областям с 1987 по 1998 г. (АМАЭ)» (стр. 7). При этом автор рассматривает все эти источники как равноправные, не используя даже собственные полевые данные в качестве лейтмотива, то есть автор допускает, что все эти источники освещают не разные объекты, а лишь разные ипостаси одного, вне историчного и вне географичного, явления русского народа. Активное привлечение чисто фольклорных источников, таких, как сказания, легенды и предания, а также этимологические исследования указывают скорее на приверженность традициям отечественной фольклористики.

Структура самой книги очень четко и ясно передает идею автора. В книге три главы. «Состав человеческий» — так называется первая глава, которая посвящена решению первой задачи, т.е. описанию структурных элементов человеческого тела и их функций. Вторая глава, «От рождения до венца, от венца до самого конца», дает анализ этой системы в динамике. (Надо отметить, что согласно классическому системному анализу, здесь нужно было бы обратить внимание на взаимодействие системы с внешней средой, но автор следует синергетической стратегии, т.е. изучает процесс. Но и здесь дальше простых перечислений зафиксированных стадий и описаний состояний системы-организма дело не идет). Третья глава посвящена созданию иерархии не-людей по принципу накопления в этих существах природного (как оппозиционного человеческому) начала, и названа она «Колдун, "чужой" и "нечистая сила"».

После прочтения книги не остается единого образа или представления о том, что именно хотел сказать автор. Возможно, это связано с тем, что необоснованное использование разнообразного материала заведомо отвлекает от концепции. Вырванные из контекста ситуаций описания знахарских обрядов, примеры пословиц и поговорок, дополненные этимологическими справками — весь этот массив нужно было как-то структурировать, здесь

и пригодился бы системный подход. Но нужно отдавать себе отчет в том, что систематизация бессвязных эпизодов не дает ни целостной картины, ни стройной теории предмета, а подобна библиотечному рубрикации, не более того.

Теперь перейдем к анализу самого текста. Итак, первая глава называется «Состав человеческого», в ней проводится анализ всех доступных материалов, освещающих, по мнению автора, проблему структурного состава человеческого тела в представлениях русских. «В представлении русских, организм целостен, вместе с тем его органы могут существовать самостоятельно, так же, как природные стихии, образующие макрокосм» (стр. 8). Автор ссылается на материалы древнерусской литературы, легенды о сотворении человеческого тела из глины, а костей — из камня, предлагает тезис о том, что «тело человека соотносится с отдельными элементами Вселенной» (стр. 9). Впоследствии автор часто будет прибегать к подобному рода доказательствам, основанным на выборочном цитировании материалов и принципе «тождества». Таким образом, если есть представление о Вселенной, состоящей из сотворенных разрозненно элементов, то и легенды о сотворении человеческого тела помещаются в этот же семантический ряд, тело уподобляется системе, состоящей из отдельных элементов, обладающей свойствами других природных систем (уподобляется дереву, земле и пр.), при этом игнорируются истоки подобных представлений, культурный и религиозный контекст. Затем автор освещает проблему взаимоотношений между разными элементами Вселенной, например, ситуацию обмена *жизненной энергией* (ключевое понятие в этом исследовании, которому однако автор не дает никакого определения) между человеком и деревом (стр. 10). «Человек находится в отношениях обмена с различным объектами природы» (стр. 11), при этом автор говорит не о человеческом теле, а о человеке, и обмен этот не материальный (удовлетворение потребностей), а иной, но опять же не оговаривается точный механизм обмена. Предметом обмена является «жизненная сила».

Далее автор приводит полный реестр элементов системы человеческого тела, разделяя термины, которыми, по его словам, русские обозначают органы, на внешние элементы и внутренние. При описании каждого органа автор старается дать исчерпывающую характеристику и обозначить его функцию. По видимому, автор руководствуется классическим системным подходом, предложенным Т. Парсонсом, в котором обозначены четыре определяющие функции, которые может выполнять элемент в системе. Это поддержка внешних границ системы, адаптация, т.е. поддержание баланса со средой, целеполагание и воспроизводство системы. При этом внешним органам чаще свойственно выполнение первых двух функций, а внутренним — последних. Автор в то же время допускает, что народные представления не носят столь четкий характер и возможны искажения. «Знания о внешних органах и их строении основаны на зрительном восприятии и наблюдениях, они достаточно обширны и разнообразны. Представления о внутренних органах менее развиты прежде всего потому, что они должны быть основаны на реальном эмпирическом опыте (вскрытии трупов), который практически отсутствует у русских» (стр. 12). Автор полагает, что отсутствие представлений, отражающих «реальное положение вещей», является результатом отсутствия правильных методик получения эмпирической информации, которыми не в пример обладает современная медицина, владеющая истинным знанием. Но знание о внешних границах человеческого тела (внешних органах) автор не критикует, т.к. оно подкреплено эмпирическим опытом (эти органы хорошо видно). Далее, вопреки своему прежнему тезису о тождественности тела и прочих объектов природы, автор замечает: «тело противопоставляется другим объектам природы, как нечто завершенное, замкнутое, однако оно не полностью отграничено от окружающего мира. Функцию внешних связей выполняют органы на системном уровне» (стр. 13). При этом автор указывает на то, что человеческое тело — это и внутренние и внешние органы одновременно, а также некая жизненная сила (по всей видимости, имеется в виду эмерджентность как свойство системы). Далее идет подробное перечисление и описание таких органов, как кожа, голова (особое внимание уделено темени, затылку, лбу, лицу и вискам), плечи, руки, грудь, ноги и т.д. При этом,

по непонятным причинам, из поля зрения автора выпадает область гениталий и низа человеческого тела, как мужского, так и женского — хотя подчеркивается, что именно через внешние органы в организм попадает болезнь, то есть разрушающее воздействие внешней среды, и они выполняют функцию защиты. Оговаривая особо проблему охранения остатков тела, то есть волос, ногтей и выпавших зубов, автор утверждает, что это вызвано представлением о том, что в остатках тела хранится жизненная сила организма, завладев которой, колдун может нанести вред человеку. Мери Дуглас в своей книге «Чистота и опасность», рассматривая эту проблему, предположила, что столь внимательное отношение ко всем видам остатков тела вызвано стремлением проконтролировать все границы своего тела с внешней средой, защитить целостность самого тела.

Поскольку информация о внутреннем строении человеческого тела автором изначально подвергается критике, в рассмотрении этой проблематики она часто обращается к современной медицине и практике восточной акупунктуры. По-видимому, авторитетные источники (по мнению автора) могут помочь при измерении искажения истины, зафиксированного в этнографических материалах. «Народу не известна связь кровообращения и сердца, считается: кровь ходит по жилам сама, то медленно, то быстро» (стр. 55). «В народных представлениях функции сердца нередко смешивают с функциями желудка — различные ощущения, связанные с деятельностью желудка, относят к сердцу; ср., например, выражения: "под сердце подкатывает", "сердце жжёт" и т.д.» (стр. 60). Термин «жизненная энергия» используется автором очень часто, заимствован он, вероятно, из восточной медицины, перенесен на представления русских, а затем объяснен с помощью системного подхода. Такое явное конструирование предмета исследования сочетается с необоснованными сравнениями практик знахарского лечения у русских с практиками восточной медицины. Например, «с некоторой долей условности можно предположить, что участки тела, на которые воздействует знахарка, совпадают или — точнее — близки зонам воздействия в восточной рефлексотерапии» (стр. 66). Или «при некоторых заболеваниях воздействие на зоны производится зубами, что особенно близко акупунктуре» (стр. 67). Так как сравнение производится по формальным признакам, без описания контекста (например, магических представлений), связь в сознании русских между внешними точками на теле и внутренними органами не очевидна.

Завершая главу, посвященную описанию внутреннего и внешнего строения тела, автор предлагает исследование представлений русских о доме, так как «представления о человеке как целом соответствуют представлениям о доме; структурные элементы в модели человеческого тела (его части) имеют соответствия в модели дома (его элементы) и тождественны им» (стр. 69). При этом принцип тождества остается не ясным — то ли это метафора, то ли форма анимизма (одушевление дома), то ли способ осмысления, но тогда также не ясно, что через что осмысляется (тело с помощью образа дома или наоборот). После подробного списка соответствий (крыша подобна голове, печь — сердцу, и т.д.) автор делает вывод: «таким образом, человек наделял дом своими свойствами... Его элементы функционировали подобно человеческим органам и поддерживали жизнедеятельность дома и его обитателей» (стр. 75).

Вторую главу автор посвятил диахронному анализу, то есть дал описание стадий развития системы. Подобное развитие автор обозначает как «жизненный цикл» (стр. 86). «Традиционные представления об этапах жизненного цикла совпадают с категориями, используемыми при изучении систем (при системном подходе): зарождение системы, ускоренный рост, замедление роста, зрелость, затухание» (стр. 86). При этом автор четко не разделяет социальные категории и биологические, детство системы полностью совпадает с социальным детством и т.д. «На основании анализа соматических представлений, связанных с разными стадиями развития жизненной силы, можно выделить следующие группы, соответствующие различным периодам жизненного цикла: новорожденные, дети, подростки, юноши и девушки и зрелые мужчины и женщины, старики, умирающие и мертвые» (стр. 86).

При рассмотрении народной концепции зачатия автор опять сталкивается с расхождением в представлениях современной и тибетской медицины с представлениями русских. И если, согласно тибетской медицине, в зачатии участвуют три элемента: сперма отца, менструальная кровь матери и духовный элемент «виджняна», — то и в русской традиции отсутствие именно этих компонентов объясняется просто утратой источников (стр. 88). Регламентацию времени зачатия автор приписывает общим для всей природы факторам и не рассматривает факторы социальные, такие, например, как сельскохозяйственный календарь. «С точки зрения современной медицины и биологии, заключение браков в различные периоды годового цикла определялось биологическими ритмами: весной с пробуждением природы усиливается половая активность всего живого, например, начинается весенний гон у животных, в это время наиболее вероятно зачатие детеныша животных и ребенка» (стр. 89).

Описывая практики народной медицины, связанные с вынашиванием ребенка, автор предлагает примеры, освещающие привычные медицинские практики современного общества. Перечисляются запреты, налагаемые на беременную женщину с целью оградить ее и плод от опасности, при этом практически не освещаются представления об опасности, которую несет роженица другим членам общества. Автор предлагает подробное описание технологии принятия родов и предосторожностей, предпринимаемых во время взросления ребенка. Молодость и зрелость в представлениях русских тесно связана с таким термином, как славутность (слава). «Слава — это сложное понятие, с одной стороны оно обозначает молву, хорошую репутацию, известность нравственных качеств девушки, с другой — физическую привлекательность, красоту, сексапильность» (стр. 125). Нужно отметить, что автор явно не различает социальных и биологических факторов взросления и освоения ролей в обществе. Славутность при этом можно вполне рассматривать как эквивалент символическому капиталу (согласно терминологии П. Бурдьё). «Только обладая славутностью, можно было привлечь представителей противоположного пола» (стр. 125). Автор, по-видимому, считает, что реальным основанием социальных ролей являются биологические процессы: «У женщин утрата жизненной силы начинается с утратой производительной силы». Старение, по мнению автора, было тесно связано с потерей жизненной силы, а смерть объяснялась ее полной утратой. «Естественная смерть наступала, когда человек исчерпывал отведенную ему жизненную энергию: "не старый умирает, а поспелый"» (стр. 134). Нужно отметить, что согласно Н.Е. Мазоловой, у русских существует представление о естественной смерти, тогда как Дж. Фрэнк в своей книге «Золотая ветвь» приводит примеры обществ, где каждая смерть не естественна и вызвана колдовством. Для описания жизненного цикла системы человеческого организма автор активно использует понятие жизненной силы, тесно связывая биологический возраст, социальные роли и наличие определенного объема этой жизненной силы.

Третья глава посвящена колдунам, чужеземцам и мертвецам. Автор говорит о существовании оппозиции «человек — не-человек», крайними точками которой являются «обычный смертный и демон» (стр. 146). Особенно выделяются люди, обладающие различными «тайными» знаниями, отмечается, что «в их соматике почти нет отличий от внешнего облика обычных людей». «Доминантным признаком, по которому выделяется человеческое — нечеловеческое, является отступление от нормы внешнего вида членов данного сообщества» (стр. 148). И в связи с этим стоит вопрос, что является критерием построения оппозиции «человеческое — нечеловеческое», это может быть как принцип «система — хаос», так и «система — суперсистема» (либо просто другая система). Общий тезис таков: «С точки зрения системного анализа, люди, связанные с потусторонним, представляют систему "человек" с некоторыми изменениями в элементном составе: набор элементов неполный, избыточный, трансформированный и т.д. ...кроме того, это статическая, неразвивающаяся система» (стр. 148).

В представлениях русских с нарушением нормы почти всегда было связано представление об опасности, «опасными для окружающих считались люди, родившиеся с различными

патологиями» (стр. 148). «Впоследствии люди с различными патологиями и увечьями нередко становились пастухами, знахарями, колдунами» (стр. 149), и опять автор сталкивается с проблемой первичности биологических факторов перед социальными, и опять решает этот вопрос положительно. Настоящий колдун — это человек, сознательно прошедший обряд посвящения, либо ставший колдуном «по наследству». «В результате посвящения колдун, как и шаман, менял некоторые органы» (стр. 152), то есть происходила замена одного элемента системы другим, следовательно, менялись характеристики всей системы. Часто элементом, который заменяли, были глаза, а новой характеристикой, приобретенной вследствие этой замены, становилась большая подвижность внешних границ системы. «Особенность зубов и бороды колдунов и зубов ведьм в том, что в новолуние они меняются» (стр. 154). «Магическая сила колдуна связана с совокупной жизненной силой всего организма и зависит от нее. Утрата какой-либо части тела ведет к уменьшению жизненной силы, и, как свидетельствуют русские представления, к утрате или уменьшению магической силы колдуна или знахарки» (стр. 161). Таким образом, колдун предстает в виде некой сверхсистемы по отношению к простому человеку, обладающей необычными способностями и огромной магической силой.

Чужестранцев или «дивных людей» русские также наделяли сверхъестественными способностями (стр. 164), а также необычным внешним видом. «Отступлением от нормы, присущей членам какого-либо сообщества, может быть не только уродливость, но и чрезмерная красота» (стр. 167).

«Потусторонний мир представляет зеркальное отражение посюстороннего мира, с противоположными (перевёрнутыми) связями ... за редким исключением у них (потусторонних существ — Т.С.) отсутствуют внутренние органы, а если они и имеются, то отличаются от человеческих» (стр. 168). Таким образом, покойники, лешие, водяные и пр. скорее предстают как полусистемы, по сравнению с человеком («не целые» системы, стр. 172), они «существа, лишённые плоти и жизненной силы, принимающие человеческий облик» (стр. 177).

В Заключении автор пишет: «Анализ народных соматических представлений русских продемонстрировал, что особенностью данной этнической традиции является отсутствие системной целостности, дискретность соответствующих концептуальных элементов» (стр. 182). Представляется, что русским (как бы ни абстрактен был этот этноним) было свойственно отличное от современного медицинского представление о человеческом теле, и автор взял на себя труд оценить это представление с точки зрения современности — не удивительно, что представление о системности организма у русских не дотягивает до идеала современного истинного (научного) знания. Интересен также и еще один вывод, который сделала Н.Е. Мазалова после огромной работы по каталогизированию этнографических и фольклорных материалов: «в целом изучение соматических представлений в какой-то мере позволяет прояснить и интерпретировать такую важную категорию традиционного мировоззрения, как "жизненная сила"» (стр. 185). К сожалению, я так и не нашла в книге ни одного определения этого важного понятия.

В целом, монография оставляет ощущение огромного, скрупулезно проделанного труда в традициях отечественной этнографии и фольклористики, но наряду с неоспоримыми достоинствами книги, такими, как прекрасное изложение собранного материала и публикация интереснейших фотографий, есть и ряд описанных выше недоговоренностей и оставленных открытыми вопросов. Предлагаемый критический обзор сделан с позиции смежной для автора специальности, с позиции социальной антропологии. Правомочность подобного взгляда вызвана и заявленной темой (осмысление тела в конкретной культуре), и широтой сделанных выводов (например, функциональная значимость понятия жизненная сила). Сама возможность междисциплинарной полемики может служить хорошим симптомом сближения дисциплин, образования общей области исследовательских интересов и разработки методологии гуманитарного знания.